

Ксения Бартеньева

*Благодарна тебе,
Светлый столб...*

Ксения Бартеньева Благодарна тебе, Светлый столб...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18512390

ISBN 9785447470890

Аннотация

Жизнь среднестатистической ведьмы текла своим чередом – приемы просителей, мистические обряды, скучные вечера в компании подруги – огромного паука-птицееда. Все бы так уныло и продолжалось, если бы не выходка взбалмошной племянницы, в результате которой ведунья встретила с милым незнакомцем, которого преследовали недоброжелатели. Презрев неписанный закон невмешательства, Ора решает помочь ему, тем более что найденый преступно хорош собой. А дальше... Доброта никогда не остается безнаказанной!

Благодарна тебе, Светлый столб...

Ксения Бартеньева

© Ксения Бартеньева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
Густая тьма... Что знаешь ты о ней?

Она – милее счастья, слаще боли, матери родней.

Ее слепящее сияние таврует, выедаёт нежно душу... Я —

Кружусь в кадрили с мороком, пьянея от чужого горя...

Еще виток, еще... Не уставая! И снова, голову теряя,

Пляшу в объятьях цепких. Не жалея, не прощая,

Неистово, легко – бесстыже-голая – по куполам шагаю!

И только звук... Противный, ноющий – рвет тело изнут-

ри.

– Довольно, хватит!.. – оглянулась. – Кто тут?!

– Здесь мы – посмотри...

*Сверчковый храм. Звон колокольни. Капли еще теплой
крови.*

По мне, умершей в танце с Темным, плакали?.. Сверчки.

Благодарна тебе, Светлый Столб...

Благодарна тебе, Темный Столб...

Ну и что?!! Она работала с обоими столбами. Она не умела иначе, ведь в грязном колдовском ремесле, грань между черным и белым так ничтожно мала...

Это было достаточно безопасно, словно прогулка по тонкому льду. Но и отказывать людям – не хотела. Она старательно нарабатывала свой опыт, как растят любимый капризный цветок – с пристрастием. А, может быть, ей просто было скучно, ведь жизнь – такая бессмысленная штука... За привороты не бралась, даже когда видела нежелание жить клиентки. Или – клиента.

– Я люблю его!!!! Я не могу без него жить!!!! Я так его-о-о-о люблю...

Вопли рассекали полумрак просторной комнаты, обставленной солидной темной мебелью. Тощая черноволосая женщина, удобно расположившаяся в рыжем кресле с кожаной обивкой, с истинно женским любопытством рассматривала просительницу, почти валявшуюся сейчас у ее ног. Девчушка, рыдавшая захлеб, была юной и хорошенькой, как цветочек. Женщина брезгливо сморщила нос, оценивая... Плачущая была совсем молоденькой. Чего им не хватает?.. С досадой развернулась к окну. Эти порывы были ей непонятны. Зачем же так упиваться отчаянием? Неужели любовь – эти бесполезные эмоциональные фортели – так важна? Вовсе нет! Для чего тогда заморачиваться и все усложнять? Не любит один – полюбит другой! Ради чего же пор-

тить жизнь ему, себе – бессмысленностью приворота? Приворот – это стальная цепь с шипованным ошейником. Шаг влево, шаг вправо... И – тоска, маета... У некоторых – если вторжение достаточно агрессивно и защита Кролика слаба, просто зависимость, невозможность жить на расстоянии. И возвращаются, чтобы потом сбежать – на свободу. И снова возвращаются... И бродят вокруг, понимая даже невозможность ситуации. Но... Не уходят – далеко, путаются под ногами, словно – на цепи. И снова – рывок! Рывок... Грубый, беспощадный. И снова Кролик у ног Хозяйки... Зачем?! Ведь Хозяйке он больше не нужен – такой ручной. Приворотом заказчица обрывает привязку от сердца... Своего сердца. Поэтому – Кролик уже не нужен. Но... как пунктик в стильном дамском блокнотике ручной работы – даже очень ничего!

– Зачем это тебе? – вкрадчиво поинтересовшись, ведьма, без разрешения, по-хозяйски взяла сигарету, прикурила, уродуя надменной гримаской лицо. Комнату деликатно заполнял гадкий смрад. Девчушка – вострепелась, подняла голову. Вполне осмысленно провела взглядом сизый клубок. Наконец... Встретилась глазами с ведьмой. Та – удобно залипла в равнодушном креслице, равнодушно глотая отвратный сизый дым. Черные глаза вопрошающей методично, упорно сверлили в глазах малышки вполне ощутимую дыру, пытаясь добраться до мозга... До сознания?

– Я его люблю. Я жить без него не могу.... Честное слово... Я не хочу без него жить!!! – лепетала светловолосая

крошка.

В голосе девчонки был надрыв... Брезгливо сжав губы, женщина недоверчиво покосилась на нее. Какого хрена они – бабы эти – втрескиваются в таких же идиотов, как сами?! Нахрена – в самом обычном процессе (отношениях, то есть) – искать себе на нижние_90 приключений?! Потянулась, смяла сигарету в пепельнице, потеряла тонкие пальцы.

– Ты... будешь его любить через шесть месяцев? А через год? А через семь лет?.. – тыкала в ребенка вопросами – словно спицами.

Молчание... Хорошее молчание. Ведьма честно пыталась не улыбаться – довольно саркастически. Детеныш пытается думать и это хорошо...

– Буду!!!! Я всю жизнь буду его любить!!!! Я ни спать, ни есть не могу!!!! Я.... Что-нибудь с собой сделаю!!!! Помогите мне!!! Я прошу вас, пожалуйста – помогите!!!! Я убью себя. Я – сделаю это. Сделаю... – неожиданно коварство ржавчины прорезалось рваную в писклявом фальцете.

Девчонка и вправду была дико худой. Глаза – огромные. Может, потому что личико – тощее? Милый, приятно-светлый взгляд приятно-светлых глазищ. Рот – неожиданно большой, красивые пухлые губы. И что в ней может не нравиться? Почему ее не любит этот (уже заказанный на приворот ею) идиот?..

Звуки... Всхлипывания – сначала жалобные, почти щенячьи. Стыдливый скулеж, затем рычание – гортанное, отвраща-

тительное в своем отчаянии. Наконец, просто рев – яркий, звонкий, красивый. Жесткий, пронзительный. Чудная какофония. Ее великолепие могло бы заморозить, если бы Ора не знала, чем это все обычно завершается – у некоторых. Чем иногда завершаются эти милые, предательские петли в сознании...

Девчонка, раскапустившись некрасиво, сидела на полу и выла. Плакала – уже не стесняясь, иногда утираясь просто маленькой лапкой, размазывая слезы и сопли по личику. Отвратно. Ведьма повела носом... Где-то рядом – совсем близко замаячил, засверкал призывно финал этого действия. Гостиную словно накрыли серой скатертью... Комнату в единое мгновение подернуло темной пеленой, из хищной прожорливой утробы которой отчетливо доносился отчаянный писк перепуганных минуток последнего месяца жизни этой малолетки... Ее – юную дуреху – уже готовили. Это – было оно... Работа. Надо подымать попу.

– Дай руку.

Ора уже сидела рядом с ней. Пол... был холодным. Но малышка сейчас ни на что не обращала внимания.

– Дай руку! – низко, жестко рявкнула.

Ребенок в момент закрыл рот, заторможено испуганно повернула голову.

– Давааай.... – ей протягивали ладонь. – Как тебя зовут?

Светлый взгляд встретился с темным. Светлые длиннющие ресницы дрогнули, из-под них выскользнули остаточ-

ные слезинки, торопливо пробежали по щекам.

– Нааа... таша! – еле вымолвила. Икота мешала говорить.

«На-та-ша. Еще одна Наташа, Маша, Даша...».

– Не реви, я помогу...

Светлый взгляд не отрывался от темного, робко спрашивая. Еще не веря, но уже – снова возвращая к жизни хозяйку...

Узенькая горячая ладонь доверчиво легла в холодную. Ора сжала нежные пальчики. Мать твою! Поток эмоций хлынул на нее. Наверное – сбил бы с ног, если бы она стояла. Отчаяние, боль, недоверие, боль. Страх?.. Снова – боль. И... она не ошиблась. Клубок эмоций был накрыт серой, простенькой в своем величии, сеткой. Пустота. Девочку – готовили. Она сама себя приговорила. Как бы это случилось – неважно. Главное – приговор был подписан...

– Поверни ладошку к земле, – четко отдавала приказы. Правую ладонь крошки Ора крепко удерживала в своей руке. – Ближе... еще ближе... А теперь – отдавай вниз боль. Думай о нем и отдавай.... Толкай переживания, отчаяние, мысли о нем в ладошку – на выход. Я – помогу. Давай...

Натка приподняла, недоумевая, бровки, но подчинялась. Опустила вниз голову, заостенела вмиг, словно ледяной стала и... Ора ехидненько улыбалась. Действительно, толчками по тощей ручонке, вываливались вниз эмоциональные сгустки. Фу... как в канализации... Излишняя привязанность – всегда нехорошо пахла... Ведьма гадливо сморщила

нос. Малышка с ума сходила по этому оболтусу. Сейчас ей станет легче. Земля всегда забирает. И Темному Столбу – подпитка. А Ора – всего лишь катализатор процесса. Она помогала – своей энергией выжимала девчонку досуха. Вниз. Надолго это не поможет, истинная любовь – это регенерирующая опухоль, даже Время не всегда может дотла вытравить ее. Но и забрать Наташу Ора не могла позволить. Светлый Столб – властно уплотнился вокруг женщин, приказывая... Темный – не отпускал комнату, вплотную, липуче прикасаясь к Светлому, серел настойчиво плотными манящими бездонными облаками... Нееет! Натке – еще не время. У нее еще будет и семья, и детки... Двое? Похоже на то. Если только Ора сейчас возьмется, не откажет ей – ведь будущее меняется каждый день...

Все. Хватит! Женщина разжала руку. Ладошка девчонки выпала – на пол, светлые глазищи распахнулись. Рот немного приоткрыт. Ора улыбнулась, подняла голову, мазками взгляда касаясь потолка. Так и есть. Серая скатерка – растворилась. Пока – растворилась. Она снова не ошиблась: Нату НАДО брать в работу. Иначе... Пустота. Кладбищенская пустота.

Поднялась. Ноги затекли, все-таки – не пятнадцать. Хотя... для своего возраста ведьмы выглядят очень прилично!

– Его зовут... Саша? Что-то крутится на «А»... Александр? – она уже опять сидела в кресле и дымила гадкой сигаретой. – Поднимись с пола – немедленно!!!

– Алексей, Алеша... Мы познакомились полгода назад... – лепетала малышня, поднимаясь и зачем-то пятясь от Оры к тяжелым бархатным шторам. – В салоне сотовой связи... Я меняла...

«О, покровители!!! – мысленно взывала женщина. – Счас начнется нескончаемое повествование о са-а-а-аа-мой большой любви на всем белом свете... За что мне это? А?...»

– Я не сразу его увидела... Там столько людей! А он... Он был такой... – доверчиво делилась малышка.

– После приворота начинаются проблемы – у заказанного, – прервала этот словесный пон... поток! – ведьма. – Во всех областях: дома – в отношениях, на работе – страдает карьера, финансы – сливаются в дыру... Очень часто – мужчинки спиваются.... Оччень часто... Ты же... не хочешь этого – для своего любимого мужчины?..

Молчание. Молчание – это хорошо. Никогда не поздно вправить мозги. Даже, если от этого – очень больно...

– Я помогу ему. Если он будет рядом – с ним ничего не случится. Я буду его защищать! Лишь бы он был рядом. Рядом со мной... – убеждала Натка. – Мне не надо его денег, у него – нет карьеры, что ему терять?

Звонкий хохот. Раскатом. Ора смеялась во весь рот – нимало не стесняясь. Замолкла. Вмиг – погрустнела, словно потеряла что-то.

– Он потеряет себя – в одночасье. Он – никогда не будет прежним. Он... вернется, но никогда не будет любить тебя

так, как ты этого хочешь. Так, как это было у Вас раньше. НИКОГДА не будет больше этого счастья... Счастье – оно не случается по принуждению... Запомни это.

Кроха действительно его любила. Личико девочки опять стало ледяной маской. Она – словно ушла. Далеко – внутри себя.

Ведьма тоже молчала. Ей было о чем подумать.

Приворооооот.... Это действие никогда не бывает светлым. В энергетической оболочке пробивается огромная дыра, куда сливается энергия. Поэтому – неудачи, апатия к жизни. Сколько мужиков спивается вокруг! А неудачников? А просто тюленей, что все бока отлежали на диване?! Зачем добавлять к этому числу увальней еще одного? Может, обойдется?..

– У тебя это пройдет. Не сейчас. Ты – приезжай. Я помогу забыть. Хочешь? – уговаривала. – Но... Не порть мальчишке жизнь. Да и себе. Ты еще встретишь свое счастье – попозже. Я – вижу. Не делай сейчас зло. Ты же его любишь еще. Не делай....

Она действительно его любила.

– Дайте сигарету! – попросила.

Затянулась некрасиво, выдохнула.

– Я люблю его. И не хочу делать ему больно. Я подумаю, спасибо Вам... – почти скандируя, заставила себя ответить.

Ора уже знала – малышка не вернется за приворотом. Ее чувство действительно было любовью – всепрощающей

и всепоглощающей, делающей сильнее и заставляющей растилаться по полу в обожании, гордой – в своей неземной красоте и воистину божественной – в стремлении оградить от всех невзгод предмет обожания.

«... и огради мя от всех невзгод, мыслимых и немисли-
мых...»

Ора грустно улыбалась. Ната уже сделала свой выбор – в доме ведьмы, куда пришла за приворотом. Она еще придет дважды – это ведьма тоже уже знала... Первый раз – с заказом обряда на забывание, во второй – с заказом на встречу любви.

– А... Вы знаете?.. Мне – легче. Словно выкупалась. Спасибо Вам... – Ната прощалась, стоя на пороге дома. Затем смешно потянулась к ней и, неожиданно неуклюже клонула ее детским поцелуем в щеку.

Ора стояла у окна. Курила. Провожала взглядом светло-волосую. Затем... Здесь же... Склонила гордую темную голову:

– Благодарна тебе, Светлый Столб...

– Благодарна тебе, Темный Столб...

Людской ручеек из страждущих и молящих о помощи во все времена – без праздников и выходных дней – омывал низкий порожек небольшого темного старинного дома на этой тихой, с односторонним движением, узкой улочке. Люди шли и шли, ведьма выслушивала, помогала, часто

не считаясь с усталостью и личными предпочтениями. Посещения просителей не поддавались никакому упорядочению и графику, ведь беда не приходит по расписанию, и в этом своем странном занятии Ора была самым лучшим психотерапевтом маленького городка, но – не в этот вечер. В данный момент она сама была для себя загадкой. Ее состояние нельзя было определить, как обычную усталость. Женщина словно возводила вокруг себя стену... Изящную невесомую удивительно-прочную стену из хрустальных парапетов. Отрешенность! Она эмоционально отмежевывалась от чего-то... Какое-то тревожное предчувствие грызло ее изнутри и не давало выключить голову. Что-то должно было случиться. Какое-то несусветно-важное для нее событие уже ждало ее за дверью – не сегодня, так завтра, в ближайшее время... Она должна быть готова. К чему?... Япоонский сад! Ведьма раздосадовано хмыкнула. Да выключи ты уже это шестое-пятое-девятое чувство! Так же ни жить, ни влюбиться по-человечески, без оглядки, невозможно – надо же обнюхать потенциального претендента на ее честь на наличие всяких-там очумительных несовершенств... Ка-а-ак все сложно в жизни ведьм! Понурила голову.

Шелк льнул к ее руке. Нежно, стыдливо даже касаясь человеческой кожи, живой шелк снова и снова настойчиво, но осторожно поглаживал ее пальцы, словно пробуя на вкус... От удовольствия женщина слегка сморщила нос –

эти деликатные прикосновения рассыпали по ее коже вихорь колючих искр, сноп холодных обжигающих вспышек... Ора нехотя открыла глаза – она стояла возле внушительных размеров террариума, правая рука ее была опущена вниз и внутрь стеклянного дома, последняя фаланга указательного пальца правой руки ведьмы была накрыта черным шелковистым комком. Комок был живым и нежная поросль его опушки вызывала у Оры неизменный восторг. Узкая кисть медленно сжалась, затем женские пальчики поползли навстречу лапам огромного паука... Громадная брахипельма терпеливо ждала. Затем подняла красивейшую черную лапу, постояла так (замечтавшись?..) некоторое время и снова прикоснулась ею к пальцу подруги.

Это была их игра... Ее и Ppp... Стоило немалых усилий завоевать доверие пушистого комочка с размахом лап около шестнадцати сантиметров. Сначала паучиха отдергивала лапу, затем – спустя ооочень долгое время, привыкла и уже покорно ждала нового касания. словно большая кошка, что доверчиво подставляет бока под нежные руки хозяина.

Любимку звали Ppp. Самочка. Красивое создание – мохнатые черные лапы, впечатляющая размерами головогрудь, ярко-рыжая опушка суставчиков длиннющих ног... Красавица. Ну и что?! Кошек Ора не любила. Собак – тем более.

– Ppprrr.... Котеныш маленький.... Как ты, солнышко?.. Ppprrr... – тягуче прошептала Ора. И... Громадный паучище после пары приветственных топтаний бесшумно и пуга-

юще стремительно для своего немаленького размера катился по женской руке... Ведьма замерла, ругнув себя за беспечность – допустить перемещения Ррр к локтю было нельзя, она могла сорваться и упасть, поэтому... Женщина аккуратно раскрыла ладошку и завораживающе медленно поднесла ее к пауку, словно предлагая маленькое уютное креслице для размышлений. Паук остановился. Великолепное соцветье маленьких глаз еще раз коснулось взглядом подруги, пара мохнатых лап приподнялась, затем опустилась – словно грозный любимец колебался с решением.

– Привет, Красота... – тихо приветствовала свою любимицу ведьма. – Как ты тут? Соскучилась?

Ррр не отвечала. Впрочем – и ответить при всем своем желании не смогла бы.

Ожидание затягивалось – птицеед застыла над раскрытой ладонью. Недоверчивости на ее мордочке не наблюдалось (да и кто бы ее там разглядел!), но обычной порывистости и любознательности поубавилось...

«Может, линять на днях собирается?.. Скорлупку сменить задумала? – спросила себя Ора. – Надо посмотреть график линьки... Или – взрослеем, степенность репетируем?..»

Ребенок уже не был маленьким – Ррр было почти четыре года, но в сравнении с возможной продолжительностью жизни пауков женского рода, взрослеть Ррр будет еще долго...

Словно услышав мысли подруги, брахипельма решилась и соскользнула осенним черно-рыжим листочком в ладонь,

приподнялась на лапках, словно потягиваясь, просела и за-
клякла неподвижно, явно наслаждаясь соседством и теп-
лотой человека. Просидеть так, полностью погрузившись
в свой паучий внутренний мир, предаваясь процессам са-
мопознания, Ррр могла долго, поэтому Ора тоже принялась
устраиваться в кресле. Кто сказал, что пауки – глупы, что
дальновидности в них не больше, чем у инфузории?.. Жен-
щина от негодования может быть и тряхнула бы плечом,
но побоялась потревожить свою «чернушку». Спустя пару
лет близкого знакомства с этим милым существом ведьма
пришла к мысли, что умнее пауков – только пауки. И выжи-
вут, в случае чего – тоже только пауки, ведь благоразумия
и терпимости в них больше, чем в некоторых ее клиентах...
Ведьма все еще саркастически морщила физиономию, ко-
гда Ррр проснулась, снова повелительно подняла переднюю
лапу, замерла (очевидно, приказывая своей убого-двуногой
подруге переместить себя назад – в домик), и Ора поспеши-
ла исполнить паучье распоряжение! Постояла еще немного
возле террариума. Все-таки пауки – чудесные создания! Ни-
каких ненужных эмоций и поступков! Всем бы так...

И снова слезы... Ведьма скучающе зевнула, взглядом по-
пыталась найти что-то интересное за окном и, не встретив
ничего, достойного ее внимания, продолжила слушать.

– Вы даже не представляете, до чего он допивается! Он
приходит грязный, как животное, мычит что-то невразуми-

тельное, цепляется до всего, что надо и не надо! Мелкую мебель – переворачивает, посуду – бьет... Накуролесит и ползет, довольный, спать!

Рассказчица, женщина лет сорока, устало вздохнула, шмыгнула носом.

– Да и привыкли мы уже с дочкой – за столько лет! Когда он выпьет, мы, как мыши по дому шныряем, чтоб не нарваться на его крик! Да только... – протянула измученно, – к дочке он пьяный цепляться стал...

Стыдливо прикрыла глаза, прерывисто всхлипнула и с плачем выдохнула:

– Последний раз... Я на работе была... Во второй смене... А он пьяный пришел – как всегда, пока меня дома нет... Ма-ня спала уже – в своей комнате – ночь поздняя была.. А он, – рыдания мешали говорить тетке, она то и дело, словно пыта-ясь спрятать лицо в складках огромного несвежего носово-го платка, терла им глаза и нос. – А он, – повторяла слова, будто бы не решаясь сказать о случившемся, – он, скотина такая...

Ее прервала девочка, очевидно, ее дочка – безжизнен-но-ровным, абсолютно лишенным эмоций детским голосом, странным голосом – для тринадцатилетнего ребенка:

– Я сама расскажу... Мама, подожди...

Молчание. Взгляд, усталый глубокий взгляд взрослого тринадцатилетнего человека. Усталость заполнила комнату. Усталостью, безысходностью несло от этой парочки – мате-

ри и дочери, расположившихся на диване в многострадальной Ориной гостиной. Многострадальной, потому что много страданий здесь бродит, слишком много людских бед, что приносят и приносят сюда люди, околачивается, ночует здесь на диване.

– Я не спала, когда он пришел... Я боюсь спать, когда папа пьяный и мамы нет дома – вдруг он дом спалит или еще чего хуже... – потупилась. – Ну, Вы уже знаете...

Помолчала.

– Я свернулась клубочком в кровати, залезла с головой под одеяло, пыталась спрятаться – вдруг не заметит... – грустно улыбалась рассказчица. – Но... он заметил! Вытащил меня из постели, стал материться... «Выебу!!!» – орал.

Подняла глазенки к потолку – явно в поисках неба...

– Я стояла на кровати, в своей старенькой пижаме со слонятами... Развела руки и прижалась всем телом к стене, хотела вдавиться туда... А внутри – ничего не было, внутри меня в тот момент – ни страха, ни злости, только пустота. Я была хозяйкой Медной Горы в тот момент, – горько ухмыльнулась девчонка. – Только слиться с камнем, исчезнуть не могла! Я... Просто ждала... Ждала того, что будет дальше... Я – была готова... Я даже сопротивляться не стала бы – убивать его, что ли? Он ведь все-таки мой отец... Просто... пьяница он... – с последними словами ребенка тяжелый, нехороший своей взрослостью взгляд малышки встретился с взглядом ведьмы. В этом глубоком взгляде можно было

утонуть. Встрепенуться, поборюкаться беспомощно на призрачной поверхности сознания и почти благодарно захлебнуться в бездонной прорве... Странная глубина глаз нынешних детей. Странная, преступная даже взрослость, мирно соседствующая со сказками Бажова. Странное детство этой малышки.

С последним словом чудная тишина зазвучала в гостиной. Нехорошая тревожная тишина шныряла по подоконникам комнаты, заглядывала за тяжелые шторы, ныряла под кресло, на котором сидела сейчас Ора... Неласковая тишина колебалась переливами невысказанных, задавленных эмоций, создавая раскаты безмолвных волн. Эти чудовищные гребни грозились подрасти в шторм и раздавить трех оцепеневших в непонятном ужасе женщин...

Это был выбор... Малышка стояла перед выбором. Ее подталкивали (конечно, Темный Столб, коварный, жуткий проказник! Да и просто – жуткий) и в обоих случаях – выбор будет гадким, если...

Ведьма вздохнула. Кажется, этот гадкий случай – тоже ее работа.

– Дайте фотографию мужа! – швырнула фразой в мамашу. Эта покорность женской половины семейства – раздражала. Забитая мамаша нычется от жизни, невольно (да, невольно, как же!) подставляя под удар свою дочь. Фотография была старенькой – уголки обтрепаны, да и пахла она застоем... Время застоялось, задохнулось в ней, словно остатки спито-

го чая в забытом грязном стакане на подоконнике брошенного дома. И, странное дело! Где-то далеко, много лет назад, возле этого задохлика тоже намечался шторм...

– Сколько лет этой фотографии? Вы чего старье принесли?

Женщина смутилась (к этому времени Ора уже начала предполагать, что смущенно приседать в извинениях и сомневаться в смысле собственного существования – это единственная жизнеспособная программа бытия для этой матери семейства), но поспешила ответить некрасивым тонкогубым ртом:

– Это года через два после свадьбы... Еще все хорошо было... Вася тогда еще не пил... Простите, но новых нет – после аварии он не фотографируется... Стыдится...

После аварии... Ора прикрыла глаза. А ведь тогда – во временном отрезке этой фотки – действительно все было хорошо. Только... что за шторм? Что за выбор был тогда, много лет назад? Судьба меняется каждый день (это изречение ей уже хотелось вывесить на воротах собственного дома – чтоб люди читали и помнили об этом каждую минуту!) и только от людского выбора зависит, что принесет нам последующий день...

Образы, наложения лиц, боль, слезы... женщина! Родная по крови... Предательство, истерика, злые слова...

– Его сестра... Он ее обманул, предал – много лет назад... Вы ничего не хотите рассказать мне? – процедила ведьма.

Глаза клиентки распахнулись удивленно, затем погасли.

– Вася... Он не поделился наследством... Обманул сестру. Мы всегда жили бедно, жить негде было... Вот Вася и забрал все себе... Нам... А я – смалодушничала... Мы до сих пор не общаемся... Катя не простила, у нее сын тяжело болеет – деньги всегда нужны... Вскоре после этого – муж изменился. Попал в аварию, лицо в ней изуродовал... Пить начал... Дебоширить. Совсем жизни нет – сейчас...

Проклятие родной по крови... Класс! Ведьма ухмылялась. Эти люди... Как дети малые!

Суперская подпитка темным! Надо брать... Просто перенаправить. Оградить ребенка, пока ее не изнасиловали или она не прибила папашу и не затащила весь род в бездну, а эти идиоты великовозрастные пусть ползают в своем болоте дальше... Да. И внешность надо подправить, помолодеть чуток – за счет клиенток. Все – не семнадцать лет ей.

– Я возьмусь... Когда приведете мужа? – глухо спросила и голос ее... Она ни разу не была светлой сейчас.

Женщина почти подпрыгнула обрадованно (наивная!):

– Да он за вашими воротами стоит... Трезвый! Я говорила с ним дома... Он был не против прийти.

– Зовите, буду брать, – протянула едко. – Только... Вы хорошо подумали? Назад – не вернуть...

– Беритесь, прошу Вас... Сколько скажете, столько и заплачу! Денег у нас немного... Если я не смогу Вам заплатить полную сумму сейчас, я каждый месяц остаток от дол-

га доносить буду! – сбивчиво-радостно благодарила помятая жизнью тетка, не зная настоящей цены.

– Мне не нужны Ваши деньги... – раскатисто хохотала Ора. – Это – бес-плат-но!

Она снимала, отчитывала, блокировала пьянку и мужчина еще не знал, что за это все же придется заплатить – здоровьем жены, молодостью дочери и сумасшедшими финансовыми потерями в никуда в течение последующих лет... Ведь-ме было не семнадцать. Темный Столб хотел есть и – не только сегодня... Мыслеформам всегда была нужна энергия.

Так было всегда: на один условно-светлый ритуал – один условно-темный. Закон равновесия энергии соблюдался неукоснительно. Тем более, что не было в магии угольно-черных и кипенно-белых обрядов – не было! А люди и рады – обманываться...

Но... все же это была помощь. Даже такими методами. Ее сместило, когда товарки называли себя ведуньями. Нахрен, какие ведуньи? Ведуньи-шмедуньи! Ведуньи – это для хитропопых, прикрывающих свой хлипкий задок. Никогда вмешательство в судьбу человека не бывает светлым! Никогда.

Опустошенность. Сейчас внутри женщины ничего не было – Ору снова будто бы выели ложкой, до последней крошки... И, одновременно – жуткая грязь людских эмоций, об-

рывки чужих переживаний, чаяний заполнили ее черепушку до краев... Голова была огромноооой, тяжелой и Ора сама себе сейчас напоминала Ррр, ведь у пауков тридцать процентов головогруды занимает мозг. В тридцати процентах ее «головогруды» в данный момент ничего не было... Не хотелось ничего. Нужна была передышка, смена обстановки и, конечно, она знала куда ей отправиться – она шла в коридор.

Как и у всякой уважающей себя ведьмы у нее была своя тайна... Ее тайной был дубовый шкаф. Потрясно-старый прадедовский дубовый шкаф, доставшийся ей вместе с домом и стоявший непоколебимо в коридоре со времен ее переезда в этот самый дом, громадной такой машиной с чудными вензельками на филенках дверей выкрашенных белой краской. Краска неряшливо, небрежными мазками была нанесена только на внешнюю сторону шкафа, словно служила маскировкой, таким плащом-невидимкой для этого массивного предмета мебели и, ведь было что скрывать! Внутренность его завораживала, покоряла женщину ареалом вневременности... Ора неторопливо пересекла коридор, приближаясь к неодушевленному своему любимцу, к милому такому шкафчику, очаровательному созданию со своим происхождением, своей историей, своей тайной... Открыла дверцы – и мгновенно словно погрузилась в вечность. Изнутри шкаф даже не был ошкурен – его полочки с милой природной текстурой дуба были изрядно поцарапаны за много лет, но именно это – естественность, статность, и, даже – степен-

ность, снова и снова манили женщину. В этом шкафу обитала незыблемая вечность... И расположилась она на полочках – в хрупких стеклянных ящичках! Историей, прошлым и настоящим шкафа, да, наверное, и самого этого дома, были эти самые ящички. Крошечные прозрачные посудины, на первый взгляд, были заполнены всякой ерундой, и только Ора знала истинную ценность этой величественной пустоты. В многочисленных ларчиках находилась последняя, самая капризная составляющая триады пространственно-временного континуума (ПВК), хотя на самом деле – в обычном мире не Ведьм, ПВК состоит из двух частей – пространства и времени. Но... Эта капризная третья детка – место/метка – сама когда-то доверчиво далась ведьме в руки. Сейчас в ящичках находились метки, которые являлись точками входа в ситуации Ориного прошлого, другими словами – станциями путешествия в прошлое...

Для перемещения в прошлое ведьме достаточно было просто взять в руки предмет из ларца. Так просто! У всех бывают моменты, когда очень хочется вернуться – Ора была довольна, что у нее есть возможность сделать это, но... Она попой чувствовала (была у ведьмы одна сенсорная особенность) одно условие: нельзя было вмешиваться во временные события, менять прошлое было нельзя, какая бы весомая причина не стояла бы.... На данный момент – ей хватало и этого.

Эта история началась очень давно, поэтому на полочках почти не было пустых судочков. Женщина вытащила одну посудину, открыла крышку – внутри находился листочек. Березовый листок. Крохотный ломкий, с налипшей и уже давно подсохшей грязью по краям... Женщина почти нежно сжала в ладони хрупкую добычу, закрыла глаза... И вдруг провалилась в ставший огромным прозрачный стеклянный лоточек из-под листка! Она стояла в парке. Вокруг – в почти призрачных сумерках разливался полноводьем луж осенний вечер... Моросил беспросветный дождь, сырость пронизала воздух, ни одного яркого пятна вокруг – насколько Ора могла видеть. Деревья, стыдливо ссутулившись, стояли голые, листва с них – мокрая, влажная, темная – сброшена под ноги. Осень была уже в той поре, когда природа готовилась ко сну. Дождь оглаживал мокрые ветки, убаюкивал – тихонечко рокотом капель мурлыкал Вивальди «Времена года/Осень». В воздухе звенела нежность. Еще чуть-чуть, через недельку-другую в полную силу партиями пронизывающих ветров, снежной пороши и метелей зазвучит «Зима» Вивальди – самое прекрасное (для Оры!) произведение гениального итальянца. Зима принесет с собой снежные пледы, паркет наледи, сонную милую безмятежность. А осень, как и каждый год в эту пору обещала: еще чуть-чуть – и наступит покой...

Ора любила бродить в этом парке, тем более, что он находился недалеко от ее дома. Парк был старым, неухоженным, но таким родным для женщины – своей заброшенностью.

Покой заботливо обнимал ведьму, стоило ей только пройти под кованым пологом входных ворот... В тот далекий, много лет назад вечер она пришла сюда побродить, отдохнуть, восстановить гармонию, которую так жадно отбирали у нее несчетные просьбы людей. Просьбы, люди... Жалобно смотрящие на нее люди, и их бесчисленные, бесконечные просьбы о помощи. Она бродила по дорожкам, любовалась забытием всего живого, с упоением вдыхала промозглый ноябрьский, такой живительный для нее, кислород. И наткнулась на него! Мальчишка... Лет восемнадцати-девятнадцати. Худенький, тощий (не кормят их матери, что ли?!), поникший весь – он стоял под сонным деревом и, словно тоже засыпал. Стоял так покоорненко, словно ему сказали: Ждать! Дождь продолжал свои надоедливые песнопения, а этот пацан, словно брошенный щенок, ждал. Ора ясно чувствовала – он ждал. И... светился. Мягкий свет струился из его груди... Сила его чувства (она не поняла сразу, что это было: Надежда? Любовь?) обняла малыша светлыми крыльями, пряча от охотящихся за ним, надоедливых капель!

Ора замерла. Она не обращала внимания на дождь и время – ей было интересно. Похоже – опять чувства?.. Ребенок так потерян, словно от матери оторвали, но, в этом возрасте мать не имеет такого значения... Что в этих людских чувствах было такого, что заставляло столь юного экземпляра терпеливо стоять – Ора посмотрела на часы – уже пару часов? Что?.. Она простояла здесь, наблюдая за ним, два ча-

са?! Она – сумасшедшая! Между тем, уже совсем стемнело. В парке зажглись старинные, художественной ковки, фонари, узкие дорожки извивались темными лентами и пацанья норка под деревом в этом призрачном освещении, казалась ведьме даже уютной. За все это время юноша не сдвинулся с места. Что у них в головах – у этих людей?! Зачем стоять тут?! Что это решит?.. Дождь старался изо всех сил – укрывал пацана каплями, осень убаюкивала, а мелкий все так же, не шевелясь, потерянно стоял почему-то в луже.

Ведьма заворчала вслух – совсем по-стариковски и уже даже собралась вывести мальчика из-под дерева и погнать домой, как...

– Леша! Ты совсем меня не понимаешь! Ты хоть любишь меня?.. Скажи мне это! Я испереживалась вся!

Ора недоверчиво морщила нос, осторожненько выглядывая из-за ствола огромного тополя.

– Я места себе не находила, я даже чай не пила!

Ну да... Чай она не пила... Кто в это поверит?! Ведьма не верила ушам. Мальчишку допрашивала звонким писком девчонка в какой-то дурацкой светлой куртенке, в смешных наушниках из какой-то драной крольчатины. Она была еще более мелкая, чем пацан, а отголоски взбалмошного характера этой особы сейчас мог услышать весь, до того безмолвный, парк.

– Как ты мог? Как ты мог пойти с этой кривоногой Надькой за билетами?! А я? Что, по-твоему, я чувствовала? Да я

себе все локти искусала от ревности!!!! Да я...

Больше Ора ничего не услышала – юноша крепко притянул к себе свою голосащую подругу и, уткнувшись лицом в его грудь, она была вынуждена замолчать.

Ора снова любовалась. Любовь, наверное, единственно прекрасное чувство на земле – будь то материнская или вот такая – юношеская. Любовь – всегда бескорыстна и всегда жертвенна. Если нет первого или второго – это совсем не любовь, даже почти сорокалетняя ведьма, ни разу не испытывавшая этого чувства, понимала это.

Любовь здесь присутствовала. Девчонка беззастенчиво кормилась безоглядной любовью этого мальчишки и вот, что самое смешное (Ора это чувствовала) – скоро она жить не сможет без этого его чувства. Юнец терпеливо взращивал росток любви своей подруги – скоро она станет отдавать все больше и больше тепла и заботы своему уже любимому детенышу, ведь Любовь – это взаимность. И эта молодая пара в этот осенний вечер – уже на пути к этому. Они – пара. И они будут парой... Ведьма бродила по парку, наблюдала за милотой объятий молодых людей и вспоминала их уже взрослыми – наверное, двадцатипятилетними – они жили в ее районе и она часто их видела. В нынешнем времени они женаты и у них недавно появился второй ребенок. Молодая мамочка часто гуляет с детьми в этом парке, папа присоединяется к ним вечером. Милота... Ора вздохнула. Красивая пара. Эти молодые люди не растеряли за прошедшие го-

ды своих чувств, может быть, сама их любовь стала взрослее. Они росли вместе со своей любовью. Эта история осеннего парка впервые так близко показала ведьме свет любви – свет блистающего облака вокруг мальчишки. Свет ее защиты...

В тот вечер Ора почти из-под ног няшной парочки подняла мокрый грязный березовый листок и положила в карман своего черного пальто, чтобы дома определить в прозрачную посудину. Этот листок стал для нее пропускным билетом в волшебную реальность того далекого осеннего вечера. Ведьма появлялась тут, когда ей нужна была подпитка, когда она уставала – от суетного мира и его ежедневных ненужностей.

Она стояла за огромным тополем сейчас и любовалась обнимашками, когда зазвонил ее телефон. Охренеть! Эти несносные технологии не оставляют в покое даже в прошлом, где она сейчас и находилась! Очуметь! Фыркая и злобно ворча, поспешила ответить на звонок:

– Да! – и вложила в это короткое слово все свое справедливое негодование.

– Ора... Я под твоей калиткой стою... – ответил ей нежный голосок.

Ведьма вздохнула, посмотрела досадливо на телефон (словно он мог ей посочувствовать), закрыла глаза и, зажав в ладошке листок, провалилась в реальность коридора своего дома. Опасливо подошла к окну... Да, за калиткой она

наблюдала темную Танину макушку! Наморщила нос и нехотя открыла входную дверь. Не любила она гостей! Совсем не любила... Не привыкла она к ним – долгие годы жила здесь одна и только вот прошлым летом как-то на пороге ее дома нарисовалась приятно-круглополая малышня с огромными черными глазами, которая заявила:

– Здравствуйте, я – Таня Волотка, Ваша племянница, дочь сестры мужа какой-то-юродной сестры Вашей мамы... На что Ора, даже не могла подобрать слов в ответ. Во-первых, она слабо разбиралась в родственных связях, но вполне могла допетрять, что дочь сестры мужа какой-то-юродной сестры мамы – это вовсе не племянница, а гораааздо дальше! Во-вторых, и в последних – она малость остолбенела и стояла сейчас решала, как и куда максимально вежливо спровадить это «сокровище», свалившееся так некстати на ее голову. По всей видимости, ее гадские намерения тут же отразились на ее же мордашке, поскольку глаза темноглазой крошки стали вдруг еще больше и она, почти всхлипывая, добавила:

– У меня совсем нет никого в этом городе. Я уже четыре месяца здесь одна. Я поступила в университет в Вашем городе. А сегодня... У меня кошелек украли... А в милиции сказали, что сама виновата – нечего «гав» на рынке ловить! И я решилась прийти к Вам... Мне тааак плохо... Моя мама так хорошо о Вас отзыва-а-а-е-е-е-ется...

И тут она все-таки заревела. По-всему, первые морщин-

ки появятся на Орином носу – ее нос опять сморщился, как старый рваный башмак. Она представляла себе, что это были за отзывы... И зачем ей эта маленькая темноволосая неожиданность? И что делать с этим страдальческим взглядом новоявленной родственницы? И нахрена ей все это? Нет (нос опять сморщился негодуя), быть такой доброй – роскошь для ведьмы! Она помогла малышне – тогда. Так и повелось – детеныш потянулся к ней и повадился ходить в гости, тем более, что они, действительно, кажется, были условной родней (что там маман говорила о дочери сестры мужа тетки Зои? Кажется, ее Таней звать?).

– Входи... – бросила родственнице, взглянула на нее и задержалась на этом больном темном взгляде. Глаза Татьяны – это было нечто! Сами по себе волоокие, темномящие (и зачем этой малышне такие глаза?!) сейчас были словно блюдца – широко-раскрытые, с капелькой слезы – где-то на доннышке...

«Опять понесло меня куда-то... романтики, мабуть, не хватает. Надо дорамку какую-нибудь пересмотреть...» – грызнула себя Ора.

– Что случилось?..

Вопрос ведьмы словно повис в воздухе. Темноглазый ребенок смотрел на нее, а видел... Фигу, что ли?.. Ведьма потихонечку, стесняясь так, начала ржать. Эти ехидные примочки приросли к ее языку, словно новый вид рецепторов. Особый ведьминский вид, позволяющий не скиснуть от ску-

ки. Нет, действительно, Татьяна смотрела на нее затуманенным взглядом и по всему...

– Ты влюбилась! Блин, вот же, Господи, наказание-то! Даже и не думай мне! Прекрати немедленно! Безобразия всякие вытворяет, вот же, Господи! Даже и не думай!!!! – гаркнула раздосадовано на младшую. – Вот же, не хватает людям всяких неприятностей – влюбляются они! Чиряков на попе недостаточно – заиметь надо новых! Да что же это такое, а? – вопрошающе уставилась на племяншку.

Племяншка пребывала сейчас в своем уютном мирке и только непонятно-грустно-блаженно улыбалась ей в ответ.

– Кто он? Да, что же это такое? Я ли тебе не говорила, я ли не предупреждала! Кто этот негодяй? – с пристрастием допрашивала она Татьяну.

– Парень один... Программист из соседнего вуза... Мы завтракали всегда вместе – в одной компании... и вот... – выдавила из себя девушка.

Япо-о-онский сад! Нахрен такие завтраки! Неплохо пацан позавтракал – сердцем этой дурочки! Мозговывосящий вариант! Ну, как же так, а? Ведьма разочарованно хмурила брови. Любовь – она хороша и прекрасна... Только если она чужая, если она далеко – где-то лет воосемь назад, и вынимается из белого шкафчика на час – посмотреть... Вот такая любовь – хороша! И это было ее искреннее убеждение! Ни к чему она – любовь, одни только проблемы создает в жизни! Удачный вариант – один из ста, а остальное – пустая трата

здоровья, сил и драгоценного времени.

Поглядев еще пару минут на эту новоявленную сомнабулу, ведьма решительно дернула ее за руку, поднимая из кресла:

– Поехали! Тебе нужно проветриться и все обдумать! Ни хрена ты не соображаешь сейчас!

– Поехали! – Ора толкала Татьяну в спину, уже запихивая в машину.

Она не позволит мелкой так позорно сдаться на милость какому-то сопляку! Нет! Малышне нужно проветриться, подумать обо всем на свежем воздухе и вытрясти все романтические бредни «во широком поле»! Ну... Как-то тааак! Они ехали за город.

Городок, в котором проживала Ора, был маленьким – несколько церквей, пара кладбищ, несколько сотен тысяч душ мирян.

«А... Опять колючки на языке...»

Ведьма улыбалась и гнала машину по трассе. Городок был красивым. Красивым – для нее, потому что был старым – все крупные строения датировались многими десятками лет назад. А еще город был чистеньким, светлым и зеленым – зеленых насаждений было несметное море, даже странно, для нынешней высокотехнологичной действительности...

«Словно воздушный шар из мультика о Винни-Пухе – маленький и зеленый...» – вреднящие рецепторы продолжали

топтаться на языке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.